Архимандрит Савва (Мажуко)

– Почему мы боимся быть обычными людьми с нормальными человеческими проявлениями, а ищем во всём подряд какие-то духовные смыслы?

– Проще надо ко всему относиться. Дело в том, что наша духовная литература порой играет с нами дурную шутку. Ведь это всё тексты, написанные монахами и для монахов. А монахи древности и средневековья писали те книги, в которых отражены их духовные упражнения: их уровня и того церковного, монастырского контекста, в котором они жили. Не всегда это подходит не только мирянам, но даже монахам нашего времени, потому что довольно часто мы даже понятия не имеем, что это были за духовные упражнения.

Вот Иоанн Лествичник пишет о смирении. Мы читаем с восторгом и упоением, но привносим в это понятие своё значение, может быть даже ошибочное, неверное, опасное. А потом жалобы: Лествичник в депрессию ввёл. Лествичник тут ни при чём. Он писал свою книгу, имея в виду конкретных людей, своих современников – синайских монахов. Ему и в голову не могло прийти, что его книгу станут читать миряне, тем более женщины с детьми на руках или даже светские священники. Мы не берём в расчёт такие очевидные вещи и потому сами себя мучаем.

И здесь огромное поле работы для современных публицистов и богословов: нормальным современным русским языком проговорить те опыты, которые составляют самую суть христианской жизни. И в этом усилии мы сами находим адекватный язык для разговора на эти тончайшие темы. Современный христианский публицист должен позволить себе это благородное служение – создавать язык благовестия, понятный современнику.

Этот поиск для нас жизненно важен, потому что из-за приверженности старым формам мы теряем вечно молодое содержание. Мы сами обкрадываем себя!

Как говорят проповедь в обычной церкви? Теми словами и интонациями, которыми нормальные люди не говорят: «Так давайте же и мы последуем подвигу мучеников Галактиона и Епистимии, оставим всё и возблагодарим…» – мы же так не разговариваем! Сегодня это звучит очень фальшиво! А если интонация фальшивая, значит, и содержание этой речи, как бы прекрасна и правдива она ни была, вызовет у человека с тонким чутьём отторжение.

К сожалению, это так. Но мы прикипаем к этим формам, и это приводит очень часто к некоторой «духовной шизофрении», когда ты здесь один, а дома другой. Или к манипуляциям, связанным с теми же самыми формами: я буду тебя слушать, если у тебя длинная седая борода.

– Вы начинаете свою книгу «Апельсиновые святые» с вопроса о смерти, почему?

– Размышления о смерти – это духовное упражнение, поэтому естественно для любого верующего человека регулярно его практиковать. Это нормально. И относиться к смерти правильно, и воспитывать правильное отношение – это тоже нормально.

Смерти надо бояться. И не нужно себя бить в грудь и говорить, что раз Христос воскрес, значит, теперь нам не страшно умирать. Страшно.

Я тоже должен пройти этим тесным путём. И Христос кровавыми слезами молился, чтобы прошла мимо Чаша сия – не только распятие, но и смерть. Это очень страшно. К этому нужно быть готовым. Но если столько хороших людей померло – и мне не грех.

Вот у меня мама – очень простой человек. Мы с ней как-то пришли на похороны двоюродного деда. Зашли: «О! Дядька сегодня похорошел!» Подошла она к гробу, поправила подушку, голову подвинула, венчик: «О, сегодня свежей, веселейше глядит». Вот это здоровое отношение!

В Церкви мы ещё только подходим к формированию стиля разговора о наших проблемах. Мы ещё не научились разговаривать о своих проблемах. Это новый неоткрытый жанр. Правда, мы хорошо освоили «диалект триумфа»: у нас есть торжества, у нас есть достижения, праздники, святители и памятные доски. Это прекрасно и нужно, кто спорит? Но ведь есть и проблемы, а о проблемах говорят только наши противники, то есть мы им позволили заниматься тем, чем сами не хотим заниматься. Не хотим или не умеем? Но тогда не надо обижаться на своих критиков.

И выход в том, чтобы перестать себе врать и научиться говорить о проблемах без анафем и без славословий, то есть без крайностей – честно, спокойно, открыто, с уважением к оппоненту. Пока мы этого не умеем делать. Но мы должны к этому прийти – это вопрос выживания.

Мы очень сильно себе врём – это опасно. Церковь должна вернуть себе монополию на обсуждение и решение своих внутренних проблем. Это требует мужества, творческого порыва и, если хотите, политической воли.

Нужно с такой честностью и высокой культурой обсуждать свои проблемы, чтобы у наших критиков вовне совсем не осталось работы, чтобы их внешняя критика просто бледнела и стыдливо пряталась по сравнению с нашими дискуссиями.

– В чём врём?

– Есть тема, которая меня задевает за живое, — это кризис монашества. На «диалекте триумфа» мы привыкли вещать, что у нас возрождается монашество. Но ведь никакого возрождения нет, монашество находится в самом тяжёлом состоянии. Если быть до конца честным, монашества нет, вернее, оно едва теплится, едва выживает. И с этим что-то нужно делать, иначе мы просто его погубим – оно исчезнет окончательно.

У нас процветают только ставропигиальные монастыри. Мне кажется, что не нужно изобретать велосипед. Мы знаем об орденской системе у католиков, но ведь эта система не чужда и для восточного монашества, потому что на православном Востоке в Средние века каждый монастырь был отдельным орденом. Каждый монастырь имел свой устав и поста, и богослужения, и он жил в интересах своего братства – не должен был обслуживать епархию, не должен был ковать кадры для епископата, собирать деньги на строительство каких-то храмов, то есть община жила своей жизнью.

Но в наше время все монастыри у нас канонически принадлежат епархиальным архиереям, и именно это препятствует нормальному развитию иноческих общин. Потому что епископы сменяются, единства епархиальной политики нет, а епископ, канонически находясь в правовом поле, является владыкой монастыря, то есть он контролирует финансы и человеческий ресурс общины. Он говорит: «Вот, некому служить на таком-то приходе, отец. Поедешь туда служить».

Благополучие отдельных монастырей держится не на каноническом устройстве, а на личных качествах, порядочности конкретного епископа. Сейчас он благоволит, а вот он умер – на его место пришёл другой человек и захотел ввести в вашем монастыре вот такой устав, или захотел сменить игумена, который вдохновляет всё братство. И никто не может ничего сделать, потому что епископ прав. Он по определению прав, на его стороне и каноническое право, и наша внутрицерковная мораль.

В нашем церковном сообществе выработалась привычка делить мир на чёрное и белое. Критикуешь – значит, враг Церкви и человек неблагонадёжный. Но жизнь состоит из нюансов. К чему нас приведёт этот духовный дальтонизм?

– И все-таки, несмотря на все эти проблемы, что вас вдохновляет в монашестве?

– Я не уверен в том, что вдохновлён. Я не считаю свое монашество каким-то подвигом. В тот день, когда я решил стать монахом (мне было лет 14, наверное), я просто понял, что это тот стиль жизни, который максимально мне подходит. Вот и всё.

– Вы много пишете и много выступаете с беседами. А есть какие-то темы, которые вам не нравятся или о которых вы не хотели бы говорить?

Меня, конечно, иногда огорчает та дурь, которая претендует на то, чтобы выдавать себя за православную духовную жизнь. Это, конечно, грустно, но я к этому отношусь с юмором. А по поводу тем… Дело в том, что я человек иррациональный, поэтому живу просто вот сейчас.

Надо жить сейчас, и я позволяю себе это делать. И когда я общаюсь с людьми, просто в этот момент живу – и всё, и не ставлю себе никакую сверхзадачу.

– Что делать монаху, если он – человек открытый, общительный, любит молодёжь, всё современное, альтернативное. А ему, например, за это «по голове стучат» – мол, успокойся. У вас не бывает такого противоречия?

– Мы опять возвращаемся к тому, что нету монаха вообще, нету человека вообще. Люди всегда очень неповторимы. Они оригинальны: кому-то подходит этот стиль – для кого-то он будет губительным.

Мне вот нравится быть взрослым. Мне 42 года сейчас, и я каждое утро просыпаюсь с благодарностью: Господи, спасибо, что я взрослый. И не надо никого очаровывать, не надо как-то занимать свою нишу, бороться за что-то, кому-то что-то доказывать.

Еще раз говорю, это правильная установка – прежде чем осудить, нужно оправдать. То есть, если люди вас не понимают, наверняка у них есть какие-то основания так считать. Но вам ведь тоже однажды будет 50, 60 лет, и вы будете ломать голову над тем, можно ли вообще понять эту молодёжь… Я уже могу себе позволить собственное суждение, могу себе позволить с кем-то не согласиться, и это здорово. Взрослым быть здорово!

– А как разделить ситуации, в которых нужно отстаивать своё мнение, а где, например, просто нужно послушаться старшего, принять ситуацию?

Наши взаимоотношения с Богом – это выход на поединок, не случайно так трогает один из самых глубоких сюжетов книги Бытия – Иаков, который боролся с Кем-то при реке, Израиль-Богоборец. Но это борьба не с ненавистью, а здоровый азарт, как дети борются или папка с сыночком. Это здоровая возможность почувствовать свои границы, узнать «свои берега».

Поэтому совершенно естественно, что вашему стилю кто-то сопротивляется. Это хорошо! Это хорошо, что сопротивляется – у вас есть возможность отточить свое мастерство, возможность обосновать его, ещё больше полюбить, ещё больше почувствовать, что это моё, а не чужое, потому что если это не ваше, оно отвалится в процессе этой дискуссии, в процессе битвы, сражения. Но это важно, это нормально. Относитесь к этому со здоровым азартом. Вот вас сейчас припечатали – отлично! – значит, живой!

– Можно один каверзный вопрос напоследок? Что делать, если влюбился?

– Как же? Это даже полезно, я считаю. Я этому посвятил целую книгу, называется она «Любовь и пустота». Она была написана как серия эссе, объединённых как раз попыткой осмыслить такой опыт. Вообще, увлекаться полезно. Это полезный опыт. Любая страсть и увлечённость должны радовать, даже если они опасны. Увлечённость дает тебе почувствовать себя живым и знакомит тебя с самим собой.

Однако не надо забывать, что любое увлечение несёт свои угрозы. Страсть опасна, как и всё живое. Но без опасности, без риска невозможно познакомиться с самим собой. Поэтому, конечно же, люди здравомыслящие понимают, что любые пристрастия, увлечения чреваты опасностью.

Если выйдешь из этой битвы несломленным, ты станешь гораздо мудрее. Другого пути к мудрости просто нет.

А мы на самом деле ищем именно её, мудрость. И особенно от монахов, от священников ждут именно этого – чтобы в конце своего пути мы могли бы предъявить какой-то опыт мудрости.

Вот об этом как раз Иоанн Лествичник пишет - «благо тому человеку, который, пройдя все ямы и болота, сумел стать настоящим учителем для другого».

Инокиня Иоанна (Панкова)
Мария Котова
Правмир 26/06/2018